

УДК 811.161.1'373.611:81'22
DOI 10.52575/2712-7451-2026-45-2-378-384
EDN YMWNG

Проверсия и реверсия как когнитивные модели словосложения в русском языке

Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Пархоменко А.Н., Кобченко В.И., Ломакин Н.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

chekulai@bsuedu.ru; prokhorova@bsuedu.ru; parkhomenko@bsuedu.ru;
kobchenko_v@bsuedu.ru; 1523768@bsuedu.ru

Аннотация. В работе рассмотрены два противоположных механизма интеграции словосочетаний в сложные слова: проверсия, при которой порядок следования корневых элементов в сложном слове совпадает с исходной моделью словосочетания, и реверсия, при которой порядок компонентов меняется на противоположный. Понятия проверки и реверсии разрабатываются авторами в рамках более широкого исследования когнитивных механизмов языкового семиозиса. На обширном эмпирическом материале русского языка показано, что глагольно-номинативная исходная модель тяготеет преимущественно к реверсивному словосложению, тогда как адъективно-субстантивная модель обнаруживает явное доминирование проверки. Установлено, что формальные грамматические признаки компонентов исходной модели – прежде всего категории числа и падежа – влияют на выбор механизма словосложения. Сделан вывод о том, что при очевидной описательной значимости понятий проверки и реверсии конкретные когнитивные основания выбора того или иного механизма остаются недостаточно выясненными. Намечена перспектива сравнительно-типологического исследования данных явлений на материале родственных индоевропейских языков.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, словосложение, проверка, реверсия, сложные слова, когнитивные модели, словообразование, русский язык

Для цитирования: Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Пархоменко А.Н., Кобченко В.И., Ломакин Н.А. 2026. Проверсия и реверсия как когнитивные модели словосложения в русском языке. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 45(2): 378–384. DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-378-384 EDN: YMWNG

Proversion and Reversion as Cognitive Models of Word Compounding in Russian

Igor V. Chekulai, Olga N. Prokhorova, Anastasia N. Parkhomenko,

Veronika I. Kobchenko, Nikita A. Lomakin

Belgorod State National Research University

85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russia

chekulai@bsuedu.ru; prokhorova@bsuedu.ru; parkhomenko@bsuedu.ru;
kobchenko_v@bsuedu.ru; 1523768@bsuedu.ru

Abstract. The paper explores proversion and reversion as two opposing cognitive models of word compounding in Russian, situating them within a broader framework of cognitive semiotics and the theory of linguistic sign formation. Proversion denotes the compounding mechanism in which the linear order of root elements in the resulting compound word mirrors the order of constituents in the source phrase (e.g., *chistaya krov'* 'pure blood' – *chistokrovnyy* 'thoroughbred'), while reversion denotes the mechanism in which the constituent order is reversed (e.g., *poslushnyy zakonu* 'obedient to the law' – *zakonoposlushnyy* 'law-abiding'). Drawing on an extensive corpus of Russian compound words, the study demonstrates that verbal-nominative source models overwhelmingly favour reversion, generating compound nouns and

adjectives in which the nominal element precedes the verbal root. By contrast, adjectival-nominal source models show a strong preference for proversion, with only two instances of reversion identified in the data. The article further shows that formal grammatical features of the source constituents – particularly the grammatical categories of case and number – appear to constrain the distribution of proversion and reversion. Despite the descriptive adequacy of the two constructs, the precise cognitive factors that determine the selection of one mechanism over the other remain unresolved. The paper concludes by arguing that comparative-typological studies across Slavic and other Indo-European languages, where both mechanisms are also attested, offer a promising avenue for uncovering the universal cognitive foundations of compound word formation.

Keywords: cognitive linguistics, word compounding, proversion, reversion, compound words, cognitive models, word formation, Russian language

For citation: Chekulai I.V., Prokhorova O.N., Parkhomenko A.N., Kobchenko V.I., Lomakin N.A. 2026. Proversion and Reversion as Cognitive Models of Word Compounding in Russian. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 45(2): 378–384 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2026-45-2-378-384 EDN: YMWHNG

Введение

В современной когнитивной лингвистике назрела необходимость пересмотра сущностных характеристик некоторых базовых категорий. Одной из таких категорий является концепт, который Е.С. Кубрякова определяет как «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике»¹. Концепт охватывает определённую, достаточно обширную предметную область или область отношений, он существует как своего рода поле с ядром, периферией и возможностями интерпретации его содержания, и в то же время он является своего рода ментальным сгустком культуры социума, который говорит на данном языке.

Актуальной задачей является разграничение концепта и прочих структур ментального оперирования понятиями, которые формируют ментальный лексикон. Это сугубо структурные модели, лежащие в основе формирования языковых знаков как заменителей реальных сущностей, связей и отношений внутри социума. В данном исследовании будут рассмотрены именно эти структуры, поскольку без их чёткого разграничения невозможно определить, какие из когнитивных механизмов действительно задействованы в процессе оперирования ими.

В современной когнитивной лингвистике механизмы формирования лексических единиц рассматриваются в неразрывной связи с проблематикой концептуализации и категоризации опыта [Лакофф, Джонсон, 2004; Лангакер, 1997]. Особое место занимают исследования, посвящённые структурам ментального лексикона и принципам концептуальной интеграции, или блендинга [Фоконье, Тёрнер, 2002; Эванс, Грин, 2006]. В последние годы данная проблематика получила развитие в русле теории расширенной концептуальной метафоры [Kövecses, 2020] и концепции динамической конвенционализации языковых единиц, трактующей закрепление знаковых форм как результат многократного употребления в социальной практике [Schmid, 2020]. В отечественной традиции когнитивные аспекты словообразования разрабатывались прежде всего в рамках дериватологии: Е.А. Земская обосновала словообразование как особый вид речевой деятельности, опирающийся на системные ментальные операции [Земская, 1992], а В.Н. Телия показала, каким образом внутренняя форма производного

¹ Кубрякова Е.С. 1996. Концепт. В кн.: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Под ред. Е.С. Кубряковой. Москва, Филологический факультет МГУ. С. 90.

слова отражает ценностно-когнитивные установки носителей языка [Телия, 1996]. Актуальным направлением отечественной когнитивистики остаётся изучение антропоцентрической природы языкового знания [Болдырев, 2015]. Вместе с тем разграничение частных механизмов, обуславливающих конкретный порядок компонентов при словосложении, остаётся недостаточно изученным, что и определяет проблематику настоящей работы.

Проверсия и реверсия: концептуальные основания

Нами ранее рассматривалось понятие реверсивности как своеобразного когнитивного механизма создания речевых структур в ходе языкового семиозиса [Чекулай, Прохорова, 2009; Чекулай, Прохорова, 2011]. Его сущность состоит в том, что исходные структуры языкового знания приобретают противоположный порядок следования компонентов в результирующей речевой модели. Наиболее ярким проявлением такого переструктурирования является стилистический приём, известный как хиазм. В основном исследование было посвящено единицам структурного уровня, но в ходе недавних исследований было выяснено, что механизм перестановки компонентов вполне успешно моделируется и на словообразовательном уровне. В то же время следует отметить и противоположный механизм, который мы назвали проверсией. И проверсия, и реверсия представляют собой частные модели общего механизма, известного как интеграция словосочетания в сложное слово. Проверсия состоит в том, что порядок следования корневых элементов в сложном слове является тем же, что и в исходной модели словосочетания. Например, проверсия проявляется в образовании сложного слова «чистокровный» из словосочетания «чистая кровь». Реверсия же представляет собой смену порядка следования компонентов при образовании сложного слова, например, слова законопослушный из словосочетания «послушный закону».

Основная проблема в связи с феноменами проверсивности и реверсивности состоит именно в их когнитивных основаниях. Вне всякого сомнения, общий механизм интеграции словосочетания в сложное слово ясен и достаточно прост. Некоторые отдельные структуры знания, выражаемые лексическими единицами, могут сливаться в новую структуру знаний, выражаемых отдельным словом. Однако непонятно, почему в одних случаях образование сложного слова идёт по проверсивной модели, а в других – по реверсивной. Например, можно было бы предположить, что в основе разграничения этих процессов лежит диахронический принцип, поскольку более архаичные словосочетания в своём массиве чаще образуются по проверсивной модели, а более современные – по реверсивной. Например, такие архаизмы, часто встречающиеся в церковнославянских и современных православных текстах, как прекраснодушие, смиренномудрие, слабодушный, злоречивый и другие образуются, как нетрудно заметить, по проверсивной модели. Однако эмпирическим путём это положение легко опровергается такими примерами реверсивного образования сложных архаизмов, как богопротивный (от словосочетания противный Богу), чадолюбие (от любить чадо), псалмопевец (от петь псалмы), местночтимый (от чтить по месту) и многие другие.

Структурно-грамматический анализ моделей словосложения

Определённая степень системности наблюдается при структурном подходе к изучению интеграции словосочетаний в сложные слова. Если провести анализ моделей «лексема 1 + лексема 2 = лексема Х», где Х – это результирующее сложное слово, то можно заметить некоторые черты системной зависимости соотношения частеречной принадлежности компонентов исходной модели и результирующего слова. Например, при исследовании частотности образования сложных слов в модели, которую мы в общем виде определили, как «глагольно-номинативную» (т. е. лексема 1 является глаголом,

управляющим лексемой 2 – именем существительным), число лексем, образованных по реверсивной модели, существенно превышает численные показатели соответствующих проверсивных образований. В качестве многочисленных примеров реверсивного словообразования по этой модели можно привести следующие распространённые и высокочастотные сложные слова.

А. Результирующее сложное слово – имя существительное: варить сок – соковарка; мешать бетон (мешалка бетона) – бетономешалка; то же – сенокосилка; положить основы – основоположник; носить дары – дароносица; носить оружие – оруженосец; носить ракеты/торпеды/авиацию – ракетносец/торпедоносец/авианосец; носить рога – рогоносец; носить (перен.) мечи – меченосец (рыба); тяпать голову – головотяп; ломать голову – головоломка; втирать очки – очковтирательство; плести стихи/рифмы – стихоплёт/рифмоплёт; мараить бумагу – бумагомаратель; творить мир/благо – миротворец/благодетель; трясти солому – соломотряс; тушить огонь – огнетушитель; резать сучки – сучкорез; ср. резать хлеб – хлебрез/-ка; колоть дыры – дырокол; проводить воду – водопровод; пасти свиней – свинопас; щупать кур – курошуп; отливать воду – водоотлив (ср. лить воду – Водолей); шить золотом – златошвейка; промышленять скотом – скотопромышленник; торговать наркотиками – наркотоходец; черпать вино – виночерпий; приносить жертву – жертвоприношение; гнать коней – коногон и другие.

Б. Результирующее сложное слово – имя прилагательное: бежать от центра – центробежный; упираться огню – огнеупорный; стремиться к центру – центростремительный; поклоняться кресту – Крестопоклонная (Неделя); носить венец – венценосный; бить масло – маслобойный; молотить кости – костемольный; бояться Бога – богобоязненный (в укр. богобоязливий); дробить зубы – зубодробительный; заправлять бензин – бензозаправочный; преклонить колени – коленопреклонённый; щипать душу – душещипательный; стрелять огнём – огнестрельный; бороться с Богом – богоборческий и другие.

В противовес реверсивной модели нами было обнаружено только два случая проверсивного образования по этой общей модели: это трясогузка (от трясти гузкой) и вертихвостка (от вертеть хвостом). Столь очевидная асимметрия сама по себе заслуживает специального объяснения, однако его выработка требует привлечения более широкого круга данных.

Объективности ради следует отметить, что данный подход также не устраняет указанную общую проблему происхождения и мотивированности сложного слова исходной моделью словосочетания. Так, представленные примеры реверсивного словообразования с результатом X-носец, в частности, носить дары – дароносица; носить оружие – оруженосец; носить ракеты/торпеды/авиацию – ракетносец/торпедоносец/авианосец; носить рога – рогоносец; носить (перен.) мечи – меченосец (рыба) могут создать иллюзию того, что конечный результат зависит от глагольного компонента. Однако нетрудно заметить и морфологически отличные результаты в исходной модели с управлением данным глаголом существительным при сохранении общей реверсивной модели интеграции словосочетания в сложное слово: приносить жертву – жертвоприношение, носить яйца – яйценоска, слова типа ракета-носитель, флеш-носитель и другие. С другой стороны, принцип разделения проверсивного и реверсивного образования сложных слов в пределах одной исходной модели для других частей речи в качестве исходных компонентов также остаётся недостаточно ясным.

Так, например, на настоящем этапе исследования практически невозможно найти основания того, что в общей модели Adj + N = N (т.е. в результате сложения основ прилагательного и существительного получается сложное существительное) доминирует проверсия и практически отсутствует реверсивное образование. Ср. многочисленные проверсивные примеры: прекрасная душа – прекраснотушная; единая вера – единовержия; бензиновая колонка – бензоклонка; хитрое сплетение – хитросплетение; хромота – хромота; золотые погоны – золотопогонник; дальний бой – дальноточный; жёлтое

брюхо – желтобрюх; лихие лета – лихолетье; долгий нос – долгоносик; газовая сварка – газосварка/газосварочный/газосварщик – против лишь двух обнаруженных случаев реверсии: борющийся с Богом – богоборец и падающая вода – водопад.

Следует подчеркнуть, что основной сложностью в решении поставленной проблемы остаётся дефицит данных о реальной этимологии сложного слова. Так, мы обозначили исходную модель для слова водопад как падающая вода, но далеко не исключена возможность его образования в результате интеграции словосочетания падение воды. Это не устраняет реверсивную модель, но привносит дезориентацию в определение исходной частеречной модели словообразования.

То, что парадигматика исходной модели имеет значение, доказывает ещё и такой факт. Если учесть не только частеречную принадлежность исходных компонентов, но и их формальные признаки, обусловленные комплексным действием грамматических категорий соответствующих частей речи (в случае имён существительных и прилагательных – число и падеж), то в приведённой в качестве предыдущего примера комплексной адъективно-субстантивной исходной модели нетрудно заметить, что исходное словосочетание образовано либо согласованием в именительном падеже, либо управлением в творительном падеже (лихие лета – лихолетье: борющийся с Богом – богоборец). Очевидно, отсутствие в модели других падежных форм обусловлено определёнными закономерностями, которые могут дать ответ на вопрос об обусловленности проверсивного и реверсивного словосложения.

Заключение

Таким образом, понятия проверсии и реверсии достаточно чётко описывают особенности образования сложных слов в русском языке, однако не дают основного ответа на вопрос, какими конкретными когнитивными факторами обусловлен такой фактически универсальный вид словообразования, как словосложение.

Авторами впервые предложены и разграничены понятия проверсии и реверсии как новые теоретические инструменты описания словосложения, а описаны закономерности соотношения частеречных моделей исходного словосочетания с механизмом образования сложного слова. На наш взгляд, приблизить ответ на ключевой вопрос о когнитивных основаниях этих механизмов могли бы сравнительно-типологические исследования моделей проверсии и реверсии в славянских и других индоевропейских и неиндоевропейских языках, поскольку данные явления засвидетельствованы в них также. С учётом этого нами уже найдены многочисленные примеры в украинском языке и начато исследование подобных моделей на материале белорусского и чешского языков (например, такие сложные слова, как стагоддзя, малаадукаваны, смалакур, краявід, ліхалецце, старадаўны; bájeslovní, dobrovolně, hnidopich, letopis и другие). Такой подход представляется перспективным, потому что в родственных языках обязательно должны обнаружиться общие основания проверсии и реверсии, а уже на их основе можно отыскать специфику такого образования в отдельных языках.

Список литературы

- Болдырев Н.Н. 2015. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 1(42): 5–12.
- Земская Е.А. 1992. Словообразование как деятельность. Москва, Наука, 221 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 2004. Метафоры, которыми мы живём. Пер. с англ. А.Н. Баранова. Москва, Едиториал УРСС, 256 с.
- Лангаккер Р.У. 1997. Модель, основанная на употреблении. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 4: 159–174.
- Телия В.Н. 1996. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва, Языки русской культуры, 288 с.

- Чекулай И.В., Прохорова О.Н., 2009. Реверсивность как способ реализации языковой картины мира. В кн.: *Hi'adanie ekvivalentnosti IV. Proceedings of the International Scientific Conference of Russian Scholars* (Prešov, September 11–13, 2008). Prešov, Publ. Prešovská univ. v Prešove: 261–271.
- Чекулай И.В., Прохорова О.Н. 2011. Реверсивность как универсальная модель представления знаний. В кн.: *Современная англистика: Традиции. Сегодня. Перспективы. Тезисы докладов Четвёртого Международного научного форума*. Харьков, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина: 98–100.
- Эванс В., Грин М. 2006. *Когнитивная лингвистика: Введение*. Эдинбург, Edinburgh University Press, 830 с.
- Kövecses Z. 2020. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 247 p.
- Schmid H.-J. 2020. *The Dynamics of the Linguistic System: Usage, Conventionalization, and Entrenchment*. Oxford: Oxford University Press, 512 p.
- Fauconnier G., Turner M. 2002. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 440 p.

References

- Boldyrev N.N. 2015. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, yedinitzakh i kategoriakh [The anthropocentric essence of language in its functions, units, and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 1(42): 5–12.
- Zemskaya E.A. 1992. Word formation as an activity. Moscow, Publ. Nauka, 221 p. (in Russian).
- Lakoff G., Johnson M. 2003. *Metaphors We Live By*. 2nd ed. Chicago, Publ. University of Chicago Press. (Russian translation: Moscow, 2004), 256 p.
- Langacker R.W. 1997. Model', osnovannaya na upotreblenii [A usage-based model]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, 4: 159–174.
- Chekulai I.V., Prokhorova O.N., 2009. Reversivnost' kak sposob realizatsii yazykovoi kartiny mira [Reversibility as a way of realizing the linguistic picture of the world]. In: *Hi'adanie ekvivalentnosti IV [Search for Equivalence IV]. Proceedings of the International Scientific Conference of Russian Scholars* (Prešov, September 11–13, 2008). Prešov, Publ. Prešovská univ. v Prešove: 261–271.
- Chekulai I.V., Prokhorova O.N. 2011. Reversivnost' kak universal'naya model' predstavleniya znaniy [Reversibility as a universal model of knowledge representation]. In: *Sovremennaya anglistika: Traditsii. Segodnya. Perspektivy [Modern English Studies: Traditions. Today. Prospects]*. Abstracts of the Fourth International Scientific Forum. Kharkiv, Publ. Khar'kovskii natsional'nyi universitet im. V.N. Karazina: 98–100.
- Evans V., Green M. 2006. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 830 p.
- Kövecses Z. 2020. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 247 p.
- Schmid H.-J. 2020. *The Dynamics of the Linguistic System: Usage, Conventionalization, and Entrenchment*. Oxford: Oxford University Press, 512 p.
- Fauconnier G., Turner M. 2002. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 440 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.03.2026

Поступила после рецензирования 09.06.2026

Принята к публикации 11.06.2026

Received March 24, 2026

Revised June 09, 2026

Accepted June 11, 2026

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чекулай Игорь Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Igor V. Chekulai, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Прохорова Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. **Olga N. Prokhorova**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Пархоменко Анастасия Николаевна, магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. **Anastasia N. Parhomenko**, Master's student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Кобченко Вероника Ивановна, магистрант, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. **Veronika I. Kobchenko**, Master's student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Ломакин Никита Алексеевич, студент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия. **Nikita A. Lomakin**, Student, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.